

УДК 37.022

Ушакова Э.Б.*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова***ОСОБЕННОСТИ ЭТАЛОННОЙ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ
В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Аннотация. В статье подробно рассматривается эталонная функция прецедентных имен, их способность выступать в роле символа феномена или ситуации. Эталон – это сущность, измеряющая свойства и качества предметов, явлений, объектов; он способен отражать национальное видение и миропонимание. Прецедентные имена, как и эталон, обладают уникальностью и единичностью. Изучение эталонной функции прецедентных имен носит ключевой характер не только в теоретическом аспекте, но и в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: язык, лингвокультура, речь, коммуникация, прецедентность, функция, эталон, имя, прецедентные феномены, прецедентные имена.

E. Ushakova*Moscow State University named after M.V. Lomonosov***PARTICULAR FEATURES OF REFERENCE FUNCTION
OF PRECEDENT NAMES IN THE ASPECT
OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Abstract. The article focuses on the reference function of precedent names, their ability to act as a symbol of a phenomenon or situation. A reference is an essence of measuring features and qualities of the objects and phenomena; it has the ability to reflect national vision and understanding of the world. Precedent names, as well as a reference, possess such qualities as uniqueness and singleness. The study of the reference function of precedent names is a key not only in the theoretical aspect, but also in teaching Russian as a foreign language.

Key words: language, linguoculture, speech, communication, precedent making, function, reference, name, precedent phenomena, precedent names.

Вопросу места имени в культуре как единице, накапливающей и передающей культурную информацию, посвящено много работ. Тем не менее, несмотря на их количество, большинство исследователей соглашались в одном: имя – это та культурная сокровищница, в которой отражается все богатство человечества.

Среди самих имен можно выделить

© Ушакова Э.Б., 2014.

такие, которые являются «ядром языковых средств хранения и трансляции культурной информации, играя ведущую роль в формировании национального языкового сознания, определяя шкалу ценностей и модели поведения членов лингвокультурного сообщества» [1, с. 60]. К числу таких имен относятся прецедентные имена (ПИ).

Прецедентные имена являются не просто очередной группой в класси-

фикации имен в целом, а представляют собой сложную единицу дискурса и языкового сознания, которую чаще всего определяют как имя, широко связанное с текстом или ситуацией. Статус прецедентности данных имен подтверждает вхождение их инварианта восприятия (ИВ) в когнитивную базу, другими словами, ИВПИ известен всем представителям конкретного национально-лингво-культурного сообщества.

Данная единица может быть использована денотативно для именованного определенного объекта (*Пушкин – известный поэт*) и коннотативно для характеристики этого объекта (*Этот молодой человек – будущий Пушкин*). Подобное употребление прецедентного имени всегда «условно-метафорично», так как оно приписывает субъекту некие признаки, входящие в представление. Именно регулярное использование имени в коннотативном значении определяет его прецедентность, говорящий ориентируется на общее, маркированное, устойчивое, экспрессивное и образцовое представление (в отличие от случаев употребления индивидуальных имен). Стоит также отметить, что помимо хранящегося в когнитивной базе инварианта представления существует еще и личное представление индивида, связанное с определенным именем, однако именно наличие инварианта и отделяет прецедентное имя от всех других именных категорий.

В связи с вышесказанным стоит упомянуть про такие единицы, как двусторонние имена (ДИ). К данной группе относятся имена, способные в одних случаях выступать как общие, в других – как индивидуальные. Специфика двустороннего имени состоит

в том, что оно способно в различных контекстах с одной стороны иметь общее значение, с другой – индивидуальное (например, *волк* в его обыденном значении для репрезентантов разных культур, реальный феномен, и *Волк* как мифологизированное представление характерное для конкретного социума); это две грани одной дискурсивной единицы. Как правило, ДИ в своем обычном значении используются в качестве номинации, в мифологизированном же – для предикации.

У прецедентного имени существует определенная структура, где ядром являются его дифференциальные признаки, а периферию составляют атрибуты.

Дифференциальные признаки – это те особенности, отличительные черты прецедентного имени, которые представляют собой сложную систему, совокупность «граней», которые отличают данный предмет от ему подобных. Данная система является многоуровневой, и в связи с этим на сегодняшний день представляется затруднительным обозначить полный список дифференциальных признаков того или иного прецедентного имени.

Существенно значительной для нас характеристикой является эмотивность, экспрессивность, оценочность прецедентного имени, его связь с модусом. Коннотативное использование прецедентного имени тесно связано с эффектом экспрессии, которая в свою очередь неотъемлема от оценки.

Отличительной особенностью прецедентных имен (равно как и всех прецедентных феноменов) является их способность выполнять роль эталона культуры (*Гитлер* как эталон фашиста) и выступать как символ некоего фено-

мена или ситуации. Прецедентное имя (равно как и другие прецедентные феномены) способно определять «шкалу ценностных ориентаций лингвокультурного сообщества, формировать набор “героев” и “злодеев”, предлагая деятельность первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых – образца того, что делать ни в коем случае нельзя» [1, с. 80]. Вне зависимости от того, как оценивается тот или иной образ по шкале «хорошо/плохо», он в любом случае функционирует как «крайняя мера» чего-либо, самое полное воплощение определенного качества.

Мы говорим об эталоне как о сущности, измеряющей свойства и качества предметов, явлений, объектов. Эталоны отражают не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, так как они являются результатом собственно национально-типического соизмерения явлений мира. Эталон на социально-психологическом уровне выступает как отражение нормативных представлений о человеке, о явлениях природы, общества, их качествах и свойствах; при этом он влияет на избирательность и оценку.

Эталон – это «мера», «мерило», в соответствии с которой/которым оцениваются те или иные феномены. Эталон обладает следующими признаками: единичность (уникальность), подражаемость (эталон можно лишь копировать/имитировать), неспособность к трансформации, изменению.

В связи с этим прослеживается непосредственная связь между эталоном и прецедентным именем: ПИ полностью удовлетворяют представлениям об эталоне. Прецедентные имена отличаются уникальностью, единично-

стью, они подвергаются «копированию» (в то время как в рамках канона возможно «тиражирование»). Кроме того, их форма не допускает трансформаций (за исключением, возможно, случаев языковой игры).

Кроме того, во время сопоставления предмета с эталоном совершается «операция сравнения» [2, с. 313]. При положительном результате происходит уподобление одного другому (он гениален, *он – настоящий Моцарт*), при отрицательном – «расподобление».

Так как корпус прецедентных феноменов (а соответственно, и прецедентных имен в частности) со временем подвергается изменениям, то имеет смысл говорить о трансформации когнитивной базы, то есть о смене ценностных ориентиров. В подобном случае происходит «свержение» старых «героев» и возвышение новых – наблюдается процесс «деканонизации» представления, стоящего за прецедентным именем.

Вследствие этого осуществляется трансформация или разрушение национально детерминированного минимализированного представления, стоящего за прецедентным именем; происходит пересмотр присущих феномену характеристик, обретение им иной оценки. Так, если имя *Павлика Морозова* несколько десятилетий назад еще было связано с эталоном героя, совершившего подвиг, то в настоящее время, согласно экспериментам, проведенным исследователями, данное имя ассоциируется с предательством и изменой.

На основе проведенного нами в 2013 г. подробного анализа ряда прецедентных имен в рамках преподава-

ния русского языка как иностранного были сделаны выводы, что эталонная функция прецедентного имени представляет собой сложный комплекс проблем в случае изучения феномена прецедентного имени иностранными студентами.

Для начала стоит отметить, что достаточно часто встречаются случаи, когда к какому-либо эталону невозможно отнести лишь одно прецедентное имя. Многие имена пересекаются в наборе дифференциальных признаков, тем самым позволяя коммуниканту выбирать из определенного ряда имен наиболее подходящее, и все же при этом, несмотря на, казалось бы, полную схожесть в семантике, могут наблюдаться и существенные различия, ориентируясь на которые среднестатистический носитель русского языка сделает выбор в пользу одного прецедентного имени или другого.

Приведем примеры. Так, согласно проанализированным данным, эталонами убийц одновременно являются *Отелло* и *Раскольников*.

А разъяренный Отелло покинул место преступления, но уже через полчаса пришел в районный отдел милиции с повинной [Ирина НИКОНОВА. В ванне экс-милиционер заколол бывшую жену отверткой] [4].

Достоевский знал много – но не все. Он, например, думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым. А мы сейчас знаем, что можно убить пятьдесят, сто человек – и вечером пойти в театр [3]

Позволим себе, однако, отметить, что обычно в случае с прецедентным

именем *Отелло*, убийство связано с определенным рядом деталей: чаще всего с помощью данного имени отсылают к ситуации, где причиной нанесения вреда здоровью стала ревность, несчастная любовь; при этом убийца именно душит жертву, а не, к примеру, закалывает или травит.

А перчатки не снимает, потому что носит их, когда собирается душиить маленьких любопытных девочек. Как Отелло. Ты когда-нибудь мечтала сыграть Дездемону? [4]

Сначала я сказал ей, что, если она мне когда-нибудь изменит, я ее убью. Задушу, как Отелло. Или зарежу, как этот, в школе проходили... [4]

Имя *Раскольников*, напротив, выступает в роли эталона не убийцы-душителя. Здесь прослеживается четкая связь с прецедентной ситуацией убийства топором/ударом по голове.

Студент же, вместо того чтобы ударить букиниста этими книжками по голове, словно Раскольников старуху процентщицу, заткнулся и вышел на улицу, где с ним произошло следующее: «Я иду и думаю о том, что денег ни копейки. До стипендии неделя, а завтра мне – восемнадцать» [3].

Почему же милиционер схватился за топор? Все-таки офицер, при исполнении и с табельным оружием, не Раскольников какой-нибудь, чтобы старушек рубить. Соседи убитой лишь многозначительно вздыхают [3].

Приведем другой пример. Тема одиночества, изоляции от общества объединяет такие имена, как *Робинзон*

и *Печорин*. Однако, если *Печорин* – эталон одинокого (одинокого в толпе людей), скучающего, апатичного человека, то *Робинзон* – эталон человека, изолированного от цивилизации, неспособного контактировать с другими людьми.

– *Посмотрел на вас – и знаете, кого вспомнил? Печорина!*

– Это с какой же стороны *Печорина*?

– *Один среди людей. Печорин в новой модификации* [6].

Спрятанные в густых лесах, оторванные от всего живого, мы не слушали радио, не читали газет и не знали, что делается на свете и как идет война. Затем норвежцев угнали куда-то, мы окончательно порвали связь с внешним миром и превратились в колонию робинзонов [5].

Согласно опросу, также проведенному в 2013 году среди иностранцев, выяснилось, что, несмотря на способность инофонов узнавать имена, предложенные им в ходе данного эксперимента, восприятие и семантизация ПИ в некоторых случаях отличалась от русского понимания.

Так, иностранным студентам было предложено задание продолжить предложения, построенные по схеме «Его называли <...> потому, что...». Приведем пару показательных примеров:

1. Его называли *Цезарем* потому, что он был великим; смелым; завоевателем (студент из Японии, изучает русский язык три года).

В русской лингвокультуре, согласно нашему исследованию, *Цезаря* видят больше как «человека, способного делать несколько дел одновременно».

2. Его называли *Цербером* потому, что он был злой (американец, изучает русский язык в родном университете 1 год). В русской лингвокультуре самый часто встречающийся дифференциальный признак – не злоба, а «страж, охранник».

Несмотря на узнаваемость прецедентных имен иностранными учащимися, возникает важный вопрос соотношения культур и восприятия лингвистических единиц представителями различных стран.

Безусловно, среди прецедентных имен, используемых носителями русского языка, чаще всего узнаются именно те имена, которые были заимствованы русскими из зарубежных культур, а имена, полностью принадлежащие русскому национально-лингвокультурному сообществу, узнаются гораздо меньше.

На основании вышесказанного вполне возможно прийти к выводу, что представители разных стран по-разному выделяют дифференциальные признаки того или иного имени. Так, представители Китая и Кореи видят *Цезаря* больше завоевателем, чем человеком, способным делать много дел одновременно. У большинства европейских и американских респондентов *Квзимодо* ассоциировался именно с горбом как с признаком уродства (с горбом как с атрибутом), а не с безобразным лицом или хромотой (как видят персонажа представители русского лингвокультурного сообщества).

Необходим особый подход к феномену прецедентного имени с лингводидактической точки зрения – знакомство иностранных учащихся с рассматриваемыми единицами в курсе практического русского языка. Дан-

ный поход – культуросцентрический – непосредственно влияет на методику подачи материала в иностранной аудитории, на способы семантизации, объяснения особенностей каждого прецедентного имени. Представляется важным вести учет не только культурологических особенностей каждого студента, но и непосредственно суметь разъяснить особенности национальной языковой картины мира носителей русского языка, с помощью сопоставления найти общие и различные дифференциальные признаки прецедентного имени. Культуросцентрический

метод поможет не только расширить кругозор студента, но и в дальнейшем существенно уменьшит вероятность возникновения прогнозируемых коммуникативных неудач.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. М., 1999. 400 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 254 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.03.2013)